

Галчева, Таня Неделчева. Закончила болгарскую филологию, была редовным специализантом и аспирантом на кафедре русской литературы в Университете им. Св. Кл. Охридского в Софии. Автор вступительной статьи о проф. П. М. Бицилли к сборнику „Избранное”. София, 1993 г. Печаталась в болгарские научные журналы – „Болгарская русистика”, „Литературна мисъл” и др., а также и в журналах: Средние века, Russian literature; Slavia orientalis. Один из создателей сайта savedarchives.net.

Таня Галчева

ДОРОГА В СОФИЮ

(Доклад представлен на семинаре памяти П. М. Бицилли и Г. В. Флоровского. Одесса, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова. 5 октября 2013 г.)

Изучение жизни и творчества проф. П. М. Бицилли (1879-1953) имеет уже почти четвертьвековую историю. За это время было сделано много, сложился даже термин «бициллиеведение», обозначающий ту часть гуманитаристики, которая занимается наследием выдающегося историка, филолога, культуролога. С 1920 по 1923 года он преподает в незадолго открытом филиале Философского факультета Белградского университета в городе Скопье и об этом периоде с биографической точки зрения очень мало известно. Что более существенно – не так много из опубликованных документальных источников относятся к этому времени, а это само по себе делает каждое вновь появившееся свидетельство чрезвычайно важным. Имея в виду эти соображения, неизменный интерес для знакомых с историей русской эмиграции вызывает фигура Кл. Вас. Флоровской (1883-1965), первой женщины приват-доцента в Императорском Новороссийском университете, чья судьба после 1920 года на много лет связана с Болгарией. Следует отметить, что эмигрантология пока в долгу перед преподавательницей латинского и русского языка в разных болгарских школах – ее имя часто остается в тени славы ее братьев, несостоявшаяся ее профессиональная карьера является причиной, того, что в лучшем случае она вызывает интерес у исследователей

лишь своей принадлежностью к петербургской школе медиевистов И. М. Гревса¹. В то же самое время вспоминаются и не особенно ласковые слова выдающегося медиевиста об этой женщине-ученой: «Это была несколько претенциозная натура, мечтавшая о научной славе, но обладавшая лишь скромным даром; ее сначала сбили с толка Карсавин и Оттокар, суля ей в Италии золотые горы, но потом стали теснить ее критикой, подрывая все ее доверие к себе и окрестив ее насмешливой кличкой «Дуду» (которая, грешен и я, казалась мне подходящею, рисующею ее манерный, обидчивый нрав). Но науку и Италию она искренне любила, и это уже немаловажное достоинство»². Сама Кл. Васильевна, несколько лет позже, находясь в болгарской столице, отчаянно пытаясь уехать оттуда в Прагу, где предполагалась восстановить свои академические занятия, скромно в какой-то мере повторит его заключение, при этом с достоинством отметив и другие обстоятельства, сказывающиеся на ее карьере: «Я не говорю, что не считаю науку своим делом; я вовсе не думаю, что я меньше приспособлена к научной работе, чем многие другие; я не могу делать переворотов в науке, но читать хорошие лекции, издавать тексты, писать полезные статьи, переводить я вполне в состоянии. Но не забывай, что я женщина, и что акад[емическая] жизнь, разумеется, останется в руках тех же или таких же старых и молодых гримз мужского пола, как была и раньше; следовательно, с меня будет требоваться гораздо больше, чем с мужчины»³. Последние строки процитированного отрывка являются частью письма Кл. Васильевны к младшему брату Георгию и в нашем дальнейшем изложении речь пойдет именно об этом эпистолярном источнике, находящемся в архиве Славянской библиотеки в Праге. Он совершенно незаслуженно пока оказался обойден вниманием исследователей. А на него может сосредоточиться интерес как болгарских, так и русских ученых. Во-первых, судя по их содержанию, эти письма почти полностью

¹ Одна из последних работ, где исследуются историософские взгляды Кл. Васильевны в начале века принадлежит Свешникову, А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. Изд. Омского госуд. ун-та. 406 с.

² Цит. по: Анциферов Н. П. Из дум о былом : Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. - М. : Феникс : Культур. инициатива, 1992, с. 505.

³ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 79 (15. 07. 1923).

сохранены хронологически. Во-вторых, скрупулезность описаний в них последовательно раскрывает много деталей жизни русского эмигрантского быта в Софии, а также и отчетливо воссоздает впечатление о том как складывается образ принимающей страны в глазах беженцев. Не на последнем месте, взгляд „со стороны“ на историю евразийства, стоят заключения единственной сестры в семье Флоровских, которые во многом актуальны и сегодня. Ее точные наблюдения оказались совершенно неопровергнуты временем, несмотря на то, что не были опубликованы. Она считала брата Георгия «до некоторой степени» своим воспитанником и учеником⁴ и откровенно высказывала свое мнение о его работах, не стеснялась и откровенно давала ему своевременные советы по поводу политики обосновавшегося движения: «У вас нет и писателя профессионала, и богослова-специалиста, и историка – вы просто случайно встретившиеся (и очень счастливо) группа единомышленников, единомысленных, и вам надо по возможности хранить вашу невинность. Фирма у вас есть собственная – без прошлого, что очень хорошо, и надо ее стараться уберечь»⁵.

Отметим, в качестве источника реконструкции, также и значение этих писем для исследователей, занимающихся историей потерянной диссертации Г. В. Флоровского о Герцене. Внимательное сопоставление некоторых фактов, содержащихся в сообщениях сестры к брату, с известными ныне обстоятельствами, могут еще больше расширить географию этой рукописи, да и добавить новые предположения.

Я сознательно сильно ограничиваю на данном этапе свой интерес ко всем темам, затронутым в этих письмах. Мое любопытство полностью охвачено двумя сюжетами, связанными с некоторыми обстоятельствами из жизни П. М. Бицилли, которые до сих пор не комментировались и оставались за пределами нашего познания о его биографии. Много вопросов поднимают несколько упоминаний из писем Клавдии Васильевны к брату Георгию, от которых можно заключить, что в начале 1922 г. у П. М. Бицилли была возможность вырваться из Югославии в ... Прагу. В одном из первых своих откликах после отъезда Георгия Васильевича из Софии, 29 декабря 1921, по старому стилю, она

⁴ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 22 (14. 04. 1922).

⁵ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 5 (16. 01. 1922).

спрашивает: «Каким образом Бицилли попал в число кандидатов – ведь он не принадлежит к числу «неустроившихся по специальности»? Нет сомнений, что судьба бывшего коллеги из Императорского Новороссийского университета интересовала ее и в связи с возможным устройством самой себе в чешской столице. Несколько дней позже, 16 января, в связи с полученном ей списком кандидатов, она отмечает, что в нем «чрезвычайно мало филологов» и ... «ни одного, кроме Бицилли, специалиста по всеобщей истории». В этом перечне, который судя по всему, был один из первых документных, отправленный ей братом, очевидно не было и других знакомых фамилий – И. М. Малинина⁶ и Н. Л. Окунева⁷, поэтому Кл. Вас. с удивлением интересуется не выставляли ли они свои кандидатуры.

К сожалению, пока мы не располагаем никакими данными о том сохранилась ли где-нибудь другая часть этой переписки – ответы Г. Васильевича сестре, из которых можно было бы почерпнуть больше сведений о том по своей инициативе ли проф. Бицилли предпринял шаг в сторону Праги или кто-нибудь из уже установившихся знакомых попытался помочь ему. Из корреспондентов к тому времени, имеющих возможность посоветовать ему что-то более конкретное, с большей вероятностью следует упомянуть акад. Никодима Павловича Кондакова (1844-1925), который в это время преподавал в Софии и к кому П. Михайлович еще в 1920 году уже обращался с просьбой помочь ему устроиться где-нибудь в Белграде или в болгарской столице⁸. Нельзя исключать и возможность, что в процессе обмена письмами между Г. В. Флоровским и Бицилли, у

⁶ Малинин, Иван Михайлович (1883-1961) – педагог, доцент в Императорском Новороссийском Университете, в эмиграции – директор русской мужской гимназии в Белграде. О нем говорилось совсем недавно во время международной конференции «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект», состоявшаяся с 10 по 11 июня 2013 г. в Белграде, где был прочитан доклад Арсеньева А. Б. «Люди и книги: семья Малининых и их библиотека».

⁷ Окунев, Николай Львович (1886-1949) в 1922-1923 году был преподавателем археологии и истории искусства на том же самом Философском факультете Белградского университета в городе Скопье. В своем письме от 05.02.1923 года П. М. Бицилли сообщает А. В. Флоровскому: «Не имея возможность «писать истории», я написал «об историях» – теоретическую работу, которую сейчас Окунев переписывает на случайно добытой машинке». (АРАН, ф.1609, оп.2, д.140, л.9. http://www.ras.ru/FArchive/pageimages/1609%5C1609_2_140/009.jpg(16.08.2012).

⁸ В биографическом очерке «Петр Михайлович Бицилли» к своей «Био-библиографии профессора Петра Михайловича Бицилли», София (рукопись, 1954 г.) Андрей Павлович Мещерский (1915-1992 г.) впервые использует это письмо. С прошлого года работа кн. Мещерского размещена на сайте [savedarchives.net](http://www.savedarchives.net): <http://www.savedarchives.net/article/bio-bibliografiia-na-profpmbicilli> (04. 02. 2013); <http://www.savedarchives.net/article/bio-bibliografiia-na-profpmbicilli-chast-vtora> (04. 02. 2013)

последнего возникли какие-то идеи о своем собственном перемещении к Центральной Европе, особенно имея ввиду опыт младшего друга.

Неизвестной к нынешнему моменту является и переписка П. М. Бицилли с бывшим ректором Императорского Новороссийского Университета Дмитрием Павловичем Кишенским (1858-1931), который в 1920 году являлся консультантом при Управлении правительственного уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС. Из письма П. Михайловича к Н. П. Кондакову, выясняется, что именно медик уведомлял застрявшего в глубине сербской провинции историка о том где находятся после выезда из России разные представители академической общественности. Сам Д. Павлович переехал в Прагу в 1923 г., и будучи хорошо знакомым с положением русских в Сербии, неисключено, что он тоже приложил усилия к тому, чтобы подыскать более подходящее место для развития научной карьеры профессора всеобщей истории.

Хочется специально отметить период о котором идет речь в письмах: это конец 1921 и начало 1922 года – время, когда русская гуманитарная Прага только начала формироваться, а Совет профессоров, уполномоченный Чехословацким правительством проводить подбор кадров, на самом деле имел решающую роль для выживании некоторых ученых, поскольку они получали «относительно неплохие пособия»⁹. Совершенно иные были условия в Скопье, жалованья преподавателя вряд ли хватало на жизнь всей семьи, в своих письмах П. Михайлович с неохотой жалуется, что «сильно прижали в материальном отношении, хотя и без того трудно было жить»¹⁰. Материальные соображения судя по всему оказались решающими, чтобы семья Бицилли не переехала в Прагу, несмотря на сильное желание профессора. В последующем своем письме от 1 февраля Кл. Васильевна спрашивает брата: «Что пишет Бицилли? Когда он будет в Праге? Как же он не колеблется переезжать, и даже с семьей, в виду необеспеченности положения в Праге?»¹¹. Намек на «необеспеченности

⁹ Больше и конкретнее об индивидуальных стипендиях отдельным ученым см. у Ковалева, М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.): монография / М. В. Ковалев; [науч. ред. проф. И. Р. Плева]. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012, с. 51-52.

¹⁰ Письмо П. М. Бицилли к Кл. В. Флоровской от 6/8 апреля 1922. Цит. по биографическому очерку к «Био-библиографии» А. П. Мещерского.

¹¹ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 9 (01. 02. 1922).

положения» приводит к предположению, что преподавателю было скорее всего предложен контракт на небольшое время? Какой-то ориентир в плане того, что искать, чтобы выяснить эту несостоявшуюся возможность можно усмотреть в следующих словах Кл. Васильевны: «Созонович¹² получил от вас официальное извещение и собирается ехать, но и колеблется, и сегодня спрашивал меня, что ты пишешь – устойчиво ли положение в Праге, более ли надежно ехать туда, чем остаться здесь (у него тоже еще год). Вероятно, он возьмет двухмес[ячный] отпуск и поедет осмотреться. - Я не понимаю – ведь Бицилли был избран раньше его – отчего же он не едет, а пишет: хочется в Прагу? За чем же у него остановка?»¹³. Этими словами Кл. Флоровская перефразирует часть предложения из письма Бицилли к ней от 7 марта 1922 г. ... «Скука ужасающая. Работать не могу. Тянет в Прагу, а еще больше домой!»¹⁴. До этого уже профессор обсуждал с ней в своей корреспонденции возможное возвращение в Одессу, регулярные сведения о том, что происходит на родину, он получал от бывшего своего студента О. Вайнштейна, с которым состоял в переписке. И несмотря на известия, что ситуация нормализуется, вопреки своему желанию уехать из Сербии, историк-эмигрант считал, что следует подождать с решением вернуться. До нынешнего момента, многократно уже процитированная в разных исследованиях, эта цитата из письма Бицилли к Кл. В. Флоровской, звучала как метафорическое обобщение неосуществимых возможностей, рассматривалась чуть ли не как символ закрытых дорог. Новые источники снимают с этой фразы коннотацию неопределенности, конкретизируется факт, что за ее многозначительностью, стоят вполне реальные варианты будущего, которые обсуждались и взвешивались профессором.

Среди возможных предположений кто мог бы включить имя П. М. Бицилли в списки преподавателей, необходимых для будущего развития Праги как академического центра эмиграции в конце 1921 г., следует, по мнению исследователя М. В. Ковалева

¹² Созонович Иван Петрович (1855-1923) к этому моменту был «контрактным» по договору с Софийским университетом.

¹³ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 18 (21. 03. 1922).

¹⁴ Письмо П. М. Бицилли к Кл. В. Флоровской от 7 марта 1922. Цит. по биографическому очерку к «Био-библиографии» А. П. Мещерского.

(выражаем ему свою благодарность за высказанные соображения по этому поводу), иметь ввиду и личность В. А. Францева. Его знакомство с И. П. Созоновичем связано с Императорским Варшавским университетом и нельзя исключить, что вопрос об устройстве П. М. Бицилли в Чехии был поднят не в Скопье, а имел свою софийскую предисторию.

На основе всего перечисленного, мне кажется, что можно сделать вывод: в конце 1921 г. проф. Бицилли, по своей инициативе или с помощью своего знакомого, выставил свою кандидатуру в Праге, был избран, но скорее всего условия, которые ему были предложены, не устроили его по некоторым параметрам (очень вероятно, что не устраивал период работы). Вопреки огромному своему желанию, он скорее всего не решился поехать вместе с семьей, в которой к этому моменту был 4-хлетний ребенок.

Будущие архивные поиски может быть дадут ответ на вопрос что помешало П. Михайловичу попасть в Прагу в 1921/1922 г. Зато как сложилась его судьба в связи с переездом в Софию вроде бы до сих пор не нуждалось в лишних объяснениях. Сам профессор в своей автобиографии 1946/1947 уточнил кому он обязан своим продвижением, конкретизируя: «В 1924 году, по рекомендации покойного Э. Д. Гримма, русского эмигранта, занимавшего кафедру новой истории Западной Европы в Софийском Университете и получившего разрешение вернуться в Россию, получил приглашение заместить его...»¹⁵. Заботливый исследователь одесского периода жизни П. М. Бицилли Т. Н. Попова в последней своей опубликованной работе¹⁶ замечательно отметила расхождения между отдельными фактами, упомянутыми в цитированном его-документе и открытыми источниками в одесских архивах. Продолжением этих ее впечатлений составляет второй сюжет из письмах Кл. Васильевны к брату.

6 августа 1923 года преподавательница латинского языка сообщает: «Я получила недавно отчаянное письмо от Бицилли с жалобой на сербов и с просьбой, нельзя ли ему как нибудь попасть сюда. Я говорила с Златарским, который не считает этого

¹⁵ Автобиография цитируется по сохраняемому в личном архиве автора настоящей работы экземпляру. Она опубликована в Болгарии Марией Велевой: Велева, М. Българската съдба на проф. Бицилли. С. 2004, с. 35-60.

¹⁶ Попова, Т. Н. Несколько фактов из персональной истории П.М.Бицилли: К вопросу о достоверности его-документов // Древнее Причерноморье. Выпуск X / Глав. ред. И.В.Немченко. – Одесса: ФЛП «А.С.Фридман», 2013. - С.514-520.

невозможными, т.к. с удалением Гримма (он выслан вместе с большевицкой миссией в Россию) должен быть поднят вопрос о профессоре по всеобщей истории, - своего у них нет никого и он обещал найти в архиве все документы к избранию Бицилли в 1920 г. и все устроить, т.ч. его пригласят. Конечно это пока журавль в небе и до начала учебного года ничего нельзя сделать, но все же Бицилька рад. И я буду очень рада, если он будет здесь одним своим человеком больше. »¹⁷.

Здесь бросается в глаза два обстоятельства.

Первое из них, связано с возможной рекомендацией со стороны Э. Д. Гримма (1870-1940). Вряд ли к этому периоду, о котором речь идет в письмах, она была реальной. Нужно вспомнить некоторые детали из биографии ученого, составленной А. П. Мещерским¹⁸, который первый называет выезд бывшего ректора Петербургского университета из Софии экстрадицией, да еще выясняет и доказывает документами, что именно по такому поводу проф. Гримму было отказана выплата полагающегося возмещения по причине расторжения его договора с Министерством просвещения. За свое участие в газету «На родину» историк был арестован в ночь с 19 по 20 июля 1923 года и выслан из Болгарии – т.е. события для него были достаточно неожиданными, он не собирався по своему желанию уезжать и вряд ли у него была возможность влиять каким-нибудь образом на выбор своего наследника в Университете. Да и в сложившейся тогда в Болгарии после 9 июня 1923 г., атмосфере, вряд ли мнение Э. Д. Гримма было бы лучшей рекомендацией для любого кандидата на его место. Совершенно различны оказались общественно-политические условия в балканской стране, когда после двуразового отказа в получении советского подданства в 1946 и 1947 году, П. М. Бицилли пишет свою автобиографию. Тогда напоминание о том, что он занял кафедру в

¹⁷ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 80 (06. 08. 1923).

¹⁸ Рукопись «Эрвин Давидович Гримм» (машинопись) является частью неопубликованной досих пор (с 1955! года) рукописи А.П.Мещерского «Заметки и материалы к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии, 1920-1944». Она предоставлена вместе с другими документами самим кн. Мещерским автору настоящей публикацией. Текст доступен на сайте, посвященном архиву Андрея Павловича по адресу: <http://savedarchives.net/ru/article/bio-bibliografiia-prof-d-grimma> (08. 09. 2013).

Софийском университете с помощью «получившего разрешение вернуться в Россию» его коллеги могло бы оказаться для него полезным.

Сообщению Кл. Васильевны, что именно она напомнила В. Златарскому о кандидатуре Бицилли следует доверять и по другому соображению. Действительно, 30 лет спустя, создавая биографический очерк к своей уже составленной библиографии произведений П. М. Бицилли, не позже чем в 1955 году, кн. Мещерский обнаруживает в архиве проф. Златарского, в переданном Болгарской академии наук письме проф. Бицилли к Н. П. Кондакову, прошение П. Михайловича о назначении в Соф. Ун-те 1920 года и еще составленное им по этому поводу Curriculum vitae (как раз те документы, о которых речь идет в письме). Т.е. документы по поводу кандидатуры П. Михайловича так и не перешли от личного архива ректора к университетскому архиву – именно потому что они были отправлены первый раз в 1920 г. через посредничества Н. Кондакова, а второй раз, надо полагать – были использованы по рекомендации Кл. Васильевны. Так что, кроме объективного обстоятельства – наличие свободной вакансии, дорога в Софию замечательного знатока Ренессанса, была открыта для него благодаря личным усилиям и хлопотам, несмотря на свою собственную неустроенность, Кл. Флоровской.

То, что решение в пользу преподавателя Императорского Новороссийского университета в 1923 году со стороны обосновавшихся в Софии выходцев из Одессы не выглядело совершенно надежным, можно судить и по тому, насколько настоятельно сестра выпрашивает у брата его содействия. Она повторяет и требует, чтобы Георгий Васильевич поговорил о Бицилли во время своей запланированной встречи в Праге с В. Златарским (письмо от 16 сентября 1923 г.). Как выясняется дальше в письмах, встреча эта не состоялась, зато события развивались стремительно и решение вопроса осенью 1923 г. и для болгарской академической общественности, и для личной карьеры П. Михайловича требовало действовать без промедления. 26 октября 1923 года Кл. Васильевна посвящает этому делу специально дописанное добавление к своему письму от 22 октября к брату: «... На днях я получила отчаянную открытку от Бицилли с вопросом, есть ли надежда ему попасть сюда в университет, т.к. он готов согласиться идти учителем в кадетский корпус в Сараево, откуда уже ему будет трудно выбраться. Я уж перед этим как раз виделась с Златарским, который только что приехал из Чехии (и

жалеет, что не успел повидаться с тобой); он мне сказал, что как раз сегодня будет первое заседание факультета и он этот вопрос поднимет. Надежда есть, т[ак] к[ак] на объявленный конкурс явился только один кандидат, и тот совсем слабый и срок конкурса уже окончился. Завтра, вероятно, я узнаю, можно ли на что-нибудь рассчитывать. Если бы я могла знать заранее, что здесь восстановят так экстренно классическую систему и будет такой недостаток в учителях (Александров¹⁹ получил уроки латинского языка в болгарской гимназии и даже Нилов²⁰, хоть и не рядовым учителем), можно было бы ему перебраться сюда и, имея место учителя, хлопотать. Но это все случилось так скоропалительно, что нельзя было ничего предвидеть, а советовать ему наудачу перебираться сюда было рискованно. Надеюсь, что выгорит.»²¹.

Впервые из этих строк сегодня выясняется насколько драматически обстояло дело с переездом П. М. Бицилли в Софию. За пределами нашего исследования его биографии осталась вероятность уехать из Скопле в Сараево, заменить место профессора на рядового преподавателя в военной школе и это тоже, надо полагать, связано еще и с финансовыми затруднениями испытываемыми семьей в это время. В то же самое время, когда чуть ли не решался вопрос о том будет ли у него возможность дальше заниматься любимым делом, П. М. Бицилли создавал свои блистательные «Очерки теории исторической науки». Сегодняшние наши ощущения, вызываемые этой работой, были бы лишены человеческого сопереживания и замыкались бы в сугубо аналитической области, без информации из писем Кл. Васильевны. То, что болгарская столица «выиграла» в последнюю минуту выбор местожительства замечательного ученого, еще раз подчеркивается в следующем письме преподавательницы латыни: «Дело Бицилли

¹⁹ Александров, Федор Георгиевич (1886-1981) – языковед, окончил историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета. В Софии преподавал латынь в гимназиях, а также и русский язык в Софийском университете. Еще о нем: Левченко, В. В. Одесские ученые – пассажиры «философского парохода» / Былые годы. 2013. №1(27), с. 111-119.

²⁰ Нилов, Иван Петрович (1892-1933) – выпускник историко-филологического факультета Киевского университета. В эмиграции был журналистом, преподавателем русского языка в гимназиях и в Свободном университете. Автор книги «Русский падеж: Очерк современного склонения» (София, тип. «Витоша», 1930).

²¹ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 89 (22. 10. 1923).

здесь устроилось, и очень быстро, т[ак] к[ак] им здесь очень нужен профессор по новой истории, - но Биц[илли] на это годится, тем более, что он и по философии истории маркует. Он писал мне отчаянные письма, что если не разрешится в ближайшие дни утвердительно вопрос здесь, он уедет учителем кадетского корпуса в Сараево. Дело устроилось, остановка только на утверждении министра, - впрочем, м[ожет] б[ыть], и оно уже состоялось, и после этого ему пошлют официальное сообщение – надо сказать правду, что мне довольно долго пришлось толковать Златарскому, что это необходимо, - они думали, что достаточно, если я ему напишу, что его приглашают, чтобы он приехал и подписал контракт.»²².

Через несколько месяцев П. М. Бицилли занял кафедру всеобщей истории Софийского университета и проработал на ней с 1924 по 1948 год. За больше чем четвертьвековую свою карьеру в болгарской столице он утвердился как излюбленный преподаватель и одним из авторитетнейших эмигрантских ученых. Так с сегодняшней точки зрения выглядят события в его жизни. Оптика взгляда на них с реконструкции случившегося в 1923 году дает нам немного другое представление. В котором кроме всего прочего, возникает и вопрос об этике поведения и сопричастии другого представителя бывшей академической общественности Одессы, который не успел восстановить свою карьеру за рубежом. В том же самом году Клавдия Васильевна искала ответы на свои внутренние вопросы, разрываясь между желанием заниматься любимым делом и долгом перед родителями – ведь она единственная осталась в столице Болгарии с ними на старости лет. В этот период ее мучить вечный вопрос о смысле жизни и не раз она его ставит в своих письмах к брату. Ей не хотелось смиренно принимать свою судьбу, она пыталась по мере своих сил, сохранять живой интерес к науке, к преподаванию, хотя неоднократно жаловалась на отсутствие понимающих людей вокруг: «Жизнь есть осмысленная и целесообразная работа, и это сейчас для меня невозможно, т.е. я не вижу что и как мне делать. Совершенствовать себя, упражняясь в терпении, занимаясь высокими размышлениями и т.д. ни к чему, пока все это не прилагается к живой жизни, к живым людям. Я всю жизнь прожила вне жизни, запершись в свою раковину, никому

²² Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 90 (09. 11. 1923).

никогда ничего не дала, а ведь наверное могла бы и могу и теперь дать, но не умею и не имело средств.»²³. После смерти своих родителей она осталась в Софии, особенно тяжело ей пришлось пережить время войны. В 1943 году после одной из очередной бомбежки, квартира ее сильно пострадала. Некоторое время, почти год после 1944 г. она живет вместе с семьей П. М. Бицилли в квартире на ул. „Алеко Константинов“ №1. Затем, в Софии, и потом – в Советском Союзе – до конца своей жизни, она остается вместе с семьей Сусанны Николаевны (1919-2012) и Павлом Марковичем (1906-1992) Любоцинских. В воспоминаниях С. Николаевны оживает образ другой Клавдии Васильевны: «Тетя Санта очень любила жизнь и я помню, как она говорила, что ей всегда вечером жалко ложиться спать, така как на ночь расстаешься с жезнью. Она любили музыку и много играла на пианино. [...] Я не помню тетю Санту в плохом насторении духа, мрачной, чем-нибудь недовольной. Всегда бодрая, спокойная, Она была глубоко верующим человеком, но внешне это ни в чем не проявлялось.»²⁴.

Нам очень мало известно о том как за тридцать с лишних лет Клавдия Васильевна прошла свой путь личного смирения (однажды в письме к брату она сильно возроптала: «Меня ли учить покорности, дорогой мой мальчик?»²⁵). Но выявляя ее письма и воскрешая события, о которых они повествуют, получаем шанс продвинуться дальше в познании и сопереживании ... иногда это и может оказаться обязательной ступенькой к добросовестному изучению потаенного прошлого.

Впрочем, сама она так и не захотела, чтобы даже ближайшие родственники были осведомлены о том как осуществился переезд П. М. Бицилли. 12 декабря 1923 года, с неприкрытой радостью Кл. Васильевна сообщает из Софии: «Т[ак] к[ак] избрание Бицилли уже утверждено советом министров и ему, вероятно, послано надлежащее официальное сообщение, то он может начинать свои хлопоты и, надеюсь, скоро приедет сюда. [...] Я жду с нетерпением его приезда, хотя и предвижу трудности на

²³ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 81 (11. 08. 1923).

²⁴ Любоцинская, С. Н. „Воспоминания“ (рукопись), с.90. Личный архив Н. А. Галь. Выражаю свою благодарность дочерью кн. Мещерского – Н. А. Галь (Женева) за предоставленные материалы.

²⁵ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 81 (11. 08. 1923).

первое время – квартирные и т[ому] п[одобные]. Миша²⁶ не говорит мне ни слова о его избрании; впрочем, они и не знают о моем участии в этом[...]]²⁷.

Можно смотреть на сложившиеся факты из личной биографии как на перечень обстоятельств, который нужен с точки зрения академической достаточности. Но попробуем за этим восстановить этапы пройденного пути и соединить наше отстраненное любопытство с волнением, вызванным опытом сопереживания. И в этом усилии гармонично и обоснованно вспыхнет по новому интерес к вроде бы забытой судьбе незаметной, стоящей в тени своих состоявшихся братьев, Клавдии Васильевны Флоровской – первой женщины приват-доцента Императорского Новороссийского Университета, преподавательницы латыни и русского языка в болгарских школах, переводчицы и ... посла действенного сопричастия в нелегких условиях жизни в Скопье проф. П. М. Бицилли.

София, 08. 09. 2013 г.

Таня Галчева

П. С. Автор выражает свою искреннюю благодарность за помощь в редакции настоящей работы давнему своему другу М. Г. Меламуду (Израиль).

²⁶ Речь идет о ее родственнике – профессор М. Г. Попруженко (1866-1944), филолог, проф. Императорского Новороссийского университета, академик Болгарской академии наук.

²⁷ Slovanská knihovna, Praha, T-FLOR, box XVI, part 3 (Klavdiia V. Florovskaia to Georgii V. Florovskii and Antonii V. Florovskii), letter 91 (12. 12. 1923).